

БЕРИНГОВ ПРОЛОМ

Орлов Максим Вячеславович

Максим Орлов

Берингов пролом

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Берингов пролом / М. В. Орлов — «Автор», 2026

Грандиозный геоинженерный проект — дамба через Берингов пролив — обернулся катастрофой. Океаны сошли с ума, Европа вымерзла, а Сибирь стала гниющей метановой Зоной. Остатки цивилизации держатся на стареющих насосах, где безжалостная система сама назначает, кому жить, а кому умереть. Старший лейтенант Илья Громов, инженер аварийной группы, расследует сбой на одной из станций. Вместо рядовой поломки он находит трупы диверсантов и засекреченный биосектор. Вырвавшаяся на свободу древняя органика не просто заражает — она переписывает человеческую память, превращая Илью в живую карту забытых технологий. Теперь за ним охотятся военизированные сектора, для которых люди — лишь расходный материал. Чтобы остановить бесконечное распределение жертв, Илье предстоит найти создателя дамбы и запустить протокол необратимого разрушения. Цена свободы ужасна: чтобы океан пошел своим путем, Илья должен собственной рукой утопить тысячи людей.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Максим Орлов

Берингов пролом

Пролог

1958 год. Москва. Дом на набережной

Снег за окном падал прямо вниз, словно и ему было велено держать строй.

Пётр Михайлович Борисов смотрел не на улицу. Перед ним, на зелёном сукне стола, лежала калька Берингова пролива, прижатая к углу бронзовым бюстом Сталина. Чукотка, Аляска, узкая щель воды между двумя материками, стрелки течений, цифры, изломы береговой линии — всё было исчерчено его твёрдой рукой.

— Сорок градусов разницы, товарищ академик, — сказал он. — На одних широтах. Европа живёт на тепле Атлантики. Мы — на подачках Арктики. Половина тепловой мощности Гольфстрима теряется здесь.

Он ткнул карандашом в пролив.

— Восемьдесят шесть километров. Перекрываем дамбой. Холодную воду Тихого океана гоним вниз через насосный каскад. Освобождаем русло для Атлантики. Якутия станет новой Украиной. Апельсины будем собирать под Норильском.

Мстислав Келдыш снял очки и медленно потер переносицу. Его лицо было серым от усталости и папиросного дыма.

— А Япония, Пётр Михайлович?

Борисов поднял глаза.

— Что Япония?

— Ваши расчёты. Саппоро. Минус двенадцать градусов к среднегодовой температуре. Вы предлагаете заморозить полмира, чтобы согреть другое.

Борисов усмехнулся. Под усами блеснули стальные коронки.

— Лес рубят — щепки летят. История простит нам замёрзшую Японию. Она не простит Сибирь, если мы оставим её вечной мерзлотой.

Он развернул вторую кальку. Уже не карту — схему. Бетонные секции, насосные шахты, реакторные блоки, узлы аварийного сброса.

— Дайте мне десять лет, две атомные станции и согласие Трумэна, — сказал он. — Я построю стену, которая изменит климат планеты.

Келдыш долго молчал. За окном снег всё так же падал прямо вниз, и тёмная река под набережной казалась полосой застывшего металла.

— Вы хотите переделать океан, — сказал он наконец.

— Нет, — ответил Борисов. — Я хочу исправить ошибку географии.

Он свернул кальку в трубку и прижал её ладонью, будто уже удерживал под рукой будущий бетонный вал через пролив.

За окном снег падал прямо вниз.

Океан ещё ничего не знал.

Глава 1

Насосная станция 4 Вертикальная лестница дрожала под руками так, что вибрация отдавалась в зубах.

Илья Громов спускался первым. Бронежилет тянул плечи вниз, автомат бил прикладом по бедру, страховочный карабин скрежетал о ступени. Снизу тянуло горячей медью, жжёной изоляцией и озоном после короткого замыкания.

Красный аварийный свет начинался ярусом ниже.

— Ниже тише, чем должно быть, — сказала Айша в гарнитуре.

Она спускалась следом — быстро, легко, без лишнего шума. Ниже неё тяжело гремел Ковалёв.

— Тише — это хорошо, — буркнул Илья.

— Нет, — ответила Айша. — Здесь не тишина. Здесь пауза перед срывом.

Последние метры лестница шла уже в открытый объём машинного зала. Илья спрыгнул на перфорированный настил мостка и сразу пригнулся, будто потолок мог ответить ударом.

Зал был огромен. Красный свет медленно вращался под сводом. Пар рваными клочьями тянулся над металлом. Внизу, метрах в тридцати под мостками, шевелилась чёрная вода — густая, с редкими пузырями, вспыхивавшими багровым отражением ламп.

Турбина работала, но не так, как должна. Вместо ровного низкого гула шёл неровный рык, будто внутри уже перекосило тяжёлую деталь.

— Скальпель, Пушка, ко мне.

Айша соскользнула с лестницы и сразу опустилась на одно колено. Поставила на настил газоанализатор, быстро пробежала глазами по планшету.

— Давление воздуха падает. Вытяжка на реверсе. Кто-то гнал холодный воздух внутрь, чтобы сбить тепловые датчики.

Ковалёв слез последним. Настил под ним заметно вздрогнул. Он тяжело дышал через фильтрующий противогаз, принялся и повернул голову к центральному корпусу.

— Солярка, — сказал он. — И старый солидол. Не местный набор. Магаданский.

Илья тоже уловил запах. Не столько носом, сколько памятью. Грубая смазка старой школы. Так пахла техника, которую чинили не по регламенту, а по необходимости.

— Значит, снизу, — сказал он.

Они пошли вдоль периметра, по узкому техническому балкону, между толстыми трубами и над чёрной водой. Под ногами хрустело стекло, где-то в глубине стен щёлкали реле, а справа, из темноты, всё время шёл тяжёлый вращающийся звук перегретого металла.

Трупы лежали у пульта охлаждения.

Двое. Японцы.

Гидрокостюмы «Полинезии» Илья узнал сразу: гладкий серо-синий материал, компактные крепления, западная развеска. Один лежал у стены лицом в настил. Второй сидел в кресле оператора, запрокинув голову к потолку.

Перед ним из пола торчал гидравлический пресс. Огромный стальной поршень ушёл вниз до упора. На полированном штоке темнели клочья ткани и мяса.

Айша присела рядом, не касаясь тел. Свет фонаря скользнул по панели.

— Пресс сработал вручную. Штатный цикл. Без аварийного сигнала.

— То есть их сюда впустили, — сказал Илья.

— Или вели, — ответила Айша. — А потом прихлопнули.

Ковалёв подошёл ближе, посмотрел на опущенную плиту и коротко хмыкнул.

— Любит, сука.

— Кто?

— Мясник.

Илья повернул к нему голову.

— Уверен?

— Это его почерк. Он любит, когда человека убивает не пуля, а железо, в которое тот полез. Говорит, так честнее.

Гул турбины изменился.

Все трое одновременно подняли головы.

Низкий рокот вдруг просел тоном, затем пошёл рваными волнами, будто внутри корпуса соскользнула с места тяжёлая деталь. Настил под ногами мелко задрожал.

Айша уже смотрела в планшет.

— Температура вкладышей растёт. Быстро. Если не открыть сброс или не промыть маслосистему, через двадцать минут схватит подшипник.

Илья шагнул к терминалу. Экран был покрыт трещинами, но ещё жил. Он ввёл свой код. Система подумала и выдала отказ.

— Доступ второго уровня, — сказал он.

Ковалёв уже обыскивал японцев. Из кармана одного он вытащил старую магнитную карту — потёртую, с почти стёртым гербом.

— Держи.

Илья провёл картой по считывателю. Диод мигнул красным.

Из динамика раздался женский синтезированный голос:

— Требуется биометрическое подтверждение. Назовите кодовую фразу конструктора первой очереди.

Илья замер.

— Система издевается? — прохрипел Ковалёв.

Айша уже стояла рядом. Лицо под капюшоном оставалось спокойным, но глаза работали быстро.

— Старый голосовой архив. Можно попробовать обойти по гармоникам. Говори в мой канал. Медленно.

— Откуда я...

— Ты вырос в Беринговске, Илья. Не ври себе.

Он посмотрел на треснувший экран, на мёртвый пластик, на красный пульс станции — и вдруг вспомнил. Не документ. Не формулу. Фразу с учебного стенда в архивном коридоре, мимо которого бегал пацаном.

Набрал в грудь горячего воздуха.

— Плотность воды определяет судьбу берега, — сказал он.

Айша быстро подправила что-то на своём модуле.

Илья продолжил, медленнее:

— Человек берёт у моря только то, что умеет вернуть в расчёт.

Пауза.

Потом в толще стен одно за другим щёлкнули реле.

— Голос подтверждён. Добро пожаловать, старший инженер.

— Ненавижу это место, — пробормотал Ковалёв.

Экран ожил. По нему поползли графики температур и давления. Часть каналов уже горела аварийным белым.

— Не успеваем, — сказала Айша. — Перегрев ушёл выше расчётного окна.

Илья смотрел на схему, но видел не цифры. Узлы. Масло. Трение. Разрушенный подшипник. Разорванный фундамент. Водяной удар по корпусу.

И вдруг понял.

— Пожарный щит.

Он сорвался с места, подбежал к красному шкафу, сорвал пломбу и распахнул дверцу. Внутри, помимо рукава и инструмента, шёл тонкий топливный шланг с маркировкой ТС-1.

Айша догнала его у щита.

— Что ты делаешь?

— Временную плёнку.

— На чём?

— На керосине.

Она уставилась на него так, будто впервые увидела не командира, а сумасшедшего.

— Ты собрался залить топливо в подшипник?

— Я собрался дотянуть ему десять минут.

— Илья...

— Других десяти минут у нас нет.

Ковалёв уже стоял рядом. Без вопросов.

— Пушка, вскрывай маслоподачу.

Тот кивнул, сунул монтировку под скобу клапана и с хрустом сорвал фиксатор. Из патрубку плеснула густая чёрная смазка. Настил под ногами сразу стал скользким.

Илья сорвал крышку распределительного узла, воткнул шланг в горловину и до упора провернул вентиль.

ТС-1 пошёл по линии с тонким визгом.

Сначала ничего не произошло. Только запах изменился — к горелой изоляции и маслу прибавился сухой резкий дух авиационного топлива. Потом в глубине станции что-то завывало. Не пар. Не металл. Сам механизм, пойманный на грани.

Айша смотрела на цифры.

— Есть падение трения... есть... держится... Илья, держится.

Турбина взревела так, что настил под ними подпрыгнул. Свет мигнул и почти погас. На миг зал освещали только редкие белые вспышки со щёток генератора и багровое отражение воды внизу.

Потом из шахты водосброса ударил звук.

Не взрыв — удар массы.

Многотонный, тупой, окончательный.

Илья рванул к краю мостка и вцепился в перила. Внизу, у самой чёрной воды, на нижней платформе, что-то огромное сорвалось с направляющих и легло поперёк аварийного прохода.

Под плитой был Ковалёв.

Правую сторону его тела вмяло в стальной косяк. Противогаз залило чем-то тёмным. Но левая рука всё ещё держала штурвал затвора.

Провернутый до конца.

Вода с рёвом уходила в разгрузочную трубу. Давление сбрасывалось.

— Пушка! — крикнул Илья.

Ковалёв поднял голову. Или Илье только показалось, что поднял.

Мембрана противогаса затрещала.

— Пункт приёма выполнен, — прохрипел он. — Долг возвращён.

Штурвал дрогнул у него в руке. Потом замер.

На планшете Айши зелёная линия жизненных показателей вытянулась в прямую.

Турбина сверху ещё раз коротко взвыла — и начала стихать. Не сразу. Долго, тяжело, со скрипом уходящей нагрузки. Потом в зале остались только пар, редкие капли конденсата с потолка и чёрная вода внизу.

Илья не отпускал перил.

Жар перегретого металла шёл в лицо. Во рту стоял вкус керосина. В ушах ещё жила вибрация станции, хотя сами мостки уже почти не дрожали.

Рядом молча встала Айша.

Ни она, ни он не смотрели друг на друга.

Они смотрели вниз, где у самого затвора Пётр Ковалёв стал частью механизма, который ещё на несколько часов отсрочил чужую катастрофу.

Красный фонарь под потолком продолжал медленно вращаться, окрашивая металл, воду и тело у штурвала в цвет старой тёмной крови.

Глава 2

Омега / Биосектор

Дрон ушёл, унося с собой слепой красный глаз прожектора и механический голос диспетчера.

Тишина вернулась в машинный зал, но теперь она не была пустой. Она звенела от напряжения. Станция как будто прислушивалась к тому, что шевелилось внизу, под бетонными плитами и чёрной водой.

Илья всё ещё держал палец на кнопке передачи. Он стоял у перил и смотрел вверх, в тёмный прямоугольник перекрытия, где уже не было ничего, кроме пустого неба и редкой снежной пыли.

Ему казалось, что он слышит где-то далеко, в штабе, щелчок шариковой ручки. Кто-то ставит галочку напротив строки: сектор чист.

Эта галочка сейчас значила для системы больше, чем тело Ковалёва внизу.

— Ты не должен был этого говорить, — тихо сказала Айша.

Она стояла спиной к нему, сжимая край металлической решётки так, что белели костяшки под перчатками. В другой руке был анализатор.

— Должен, — ответил Илья.

Голос у него был ровный, почти безжизненный.

— Если штаб узнает про «Омегу», сюда придут не медики. Придут огнемётные бригады и выжгут всё — станцию, лагерь, беженцев, берег. Им проще списать двести человек, чем сбить график поставок газа.

Айша долго молчала, потом наконец повернулась.

— Значит, будем держать это в себе, — сказала она. — Пока не поймём, как закрыть дыру.

Илья кивнул. Он и так это понимал. Молчание теперь было не только ложью по рации. Оно становилось долгом.

Он посмотрел на свои ладони.

Пузыри ожогов уже начали лопаться. Под сорванной кожей проступало розовое влажное мясо. Каждый вдох отдавался в руках тупым электрическим разрядом. Он сунул ладони в карманы комбинезона, но запах горелой кожи всё равно оставался с ним — озон, жжёная резина и собственное мясо.

Айша подошла вплотную и раскрыла герметичный пакет.

— Антисептик. Потом гидрогель. Иначе через пару часов начнётся некроз.

Говорила она уже голосом медика — коротко и без жалости.

Илья хотел взять тюбик сам, но пальцы не слушались. Айша перехватила его руку и выдавила прозрачную холодную пасту прямо на ожог.

Боль ударила резко, почти ослепляюще. Илья стиснул зубы.

— Терпи, — сказала она.

Пока она перебинтовывала ладони, он смотрел вниз.

Чёрная вода больше не была спокойной. Пузыри поднимались чаще, и по поверхности уже расплзалась тонкая радужная плёнка, переливавшаяся серым и нефтяным.

— Что это за дрянь? — спросил он.

Айша не сразу ответила.

— Не знаю. Анализатор даёт ошибку калибровки. Слишком много неизвестного. Но это не просто бактерии. В этих спорах есть фрагменты ДНК, которых нет ни в одной базе Корпуса. Ни у нас. Ни у японцев.

— Древнее? — спросил Илья.

— Очень.

Он коротко хмыкнул.

— Значит, Борисов всё-таки нашёл себе кладбище.

Айша подняла глаза.

— Мы его не открывали, Громов. Его открыли задолго до нас. Мы просто включили насосы.

Ответить было нечего.

Снизу, из шахты водосброса, донёлся новый звук.

Не гул турбины. Не шипение пара.

Тихий, ритмичный, мокрый шлепок.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Они оба замерли.

— Слышишь? — спросила Айша.

Илья кивнул.

Этот звук говорил яснее любого датчика: станция не спасена. Ей дали отсрочку — и только.

— Наверх, — сказал он. — В резервный сервер. Если здесь что-то знали, след должен был остаться в климат-контроле.

— А если архив сгорел при перегреве?

Илья поднял на неё взгляд.

— Тогда будем первыми, кто узнает без подсказок.

Они оставили позади нижнюю платформу и тело Ковалёва под плитой. В красном свете он лежал почти слишком правильно — не как человек, а как деталь, принявшая удар на себя.

Наверху воздух стал тяжелее. Бетон держал остаточное тепло, как печь, а озон бил в нос, вызывая тошноту.

Серверная оказалась тесной, низкой, почти гробовой. Вдоль стен мигали ряды зелёных индикаторов. Старый ЭЛТ-монитор проснулся с ядовито-зелёным свечением и полосой помех.

Илья тяжело опустился перед терминалом.

— Давай, старик, — пробормотал он. — Покажи, что ты спрятал.

Пальцы слушались плохо. Бинты уже намокали от пота. По экрану ползли строки температур, протоколов, аварийных логов. Для Айши это был мусор. Для Ильи — структура.

Она стояла у него за спиной, следя сразу за анализатором и вентиляцией.

— Температура растёт. Если это газ, через час он пойдёт по верхним шахтам. Доберётся до жилых модулей. До палаток.

Илья не ответил.

Потом терминал пискнул. Матричный принтер дёрнулся и начал выплёвывать длинную ленту.

На экране возникла схема: сеть технических туннелей, уходящих от станции к старой исследовательской базе. Рядом горела жирная красная отметка:

БИОЛОГИЧЕСКИЙ ОТСЕК. УРОВЕНЬ КАРАНТИН-4. ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН.

— Вот оно, — выдохнул Илья.

Айша наклонилась ближе.

— Они знали.

— Да, — сказал он. — И заперли.

Он сорвал распечатку, свернул её и сунул во внутренний карман.

— Идём.

Путь в нижний контур шёл через вентиляционную шахту. Металл был тёплым, ржавым, пах озонем и сладковатой гнилью. Илья полз первым, толкая перед собой кофр с инструментами. Каждый рывок отзывался в ладонях вспышкой боли.

Шахта закончилась аварийным люком. Илья выбил его плечом, едва не сорвав сустав, и они вывалились в коридор биосектора.

Запах изменился сразу.

Исчезли масло, пластик и электричество. Вместо них в воздухе стояли формалин, больничная сырость и что-то мясное, тяжёлое, как запах открытого склепа.

— Радиация? — спросил Илья.

— Фон в норме, — отозвалась Айша. — Но органики в воздухе слишком много. Мы дышим живой взвесью.

Они шли вдоль стеклянных боксов. За мутным пожелтевшим стеклом стояли ряды автоклавов. Внутри, в мёртво-синей подсветке, плавали образцы.

Ячмень. Картофель. Гигантские красные яблоки размером с детскую голову.

Триумф агрономического безумия.

Илья приложил здоровую руку к стеклу. Оно было ледяным.

— Они хотели обмануть зиму, — сказала Айша через респиратор. — Получили контейнер для заразы.

Дальше у стены мигал старый терминал. На багровом экране горело:

СИСТЕМА БИОБЕЗОПАСНОСТИ НАРУШЕНА. СЕКТОР D-4 РАЗГЕРМЕТИЗИРОВАН.

Именно оттуда шёл тот самый ритмичный звук.

Шлеп. Шлеп. Шлеп.

Дверь в сектор D-4 была заварена снаружи грубым ручным швом.

— Паника была настоящей, — тихо сказал Илья.

Он скинул с плеча плазменный резак.

— Отойди.

Искры полетели в жёлтый туман. Металл плавился медленно. Илья вёл шов по кромке и считал секунды только затем, чтобы не думать о запахе и о том, что находится за дверью.

Когда последний кусок шва упал на пол, дверь тяжело рухнула внутрь.

Фонарь выхватил из тьмы разгромленную лабораторию.

Пол вздыбился волнами. Автоклавы были разбиты. На стенах висели бурые клочья застывшей органики. В центре комнаты стоял письменный стол — нелепо целый посреди хаоса.

На нём лежала кожаная папка.

И кисть руки.

Мушифицированная, вцепившаяся в край столешницы так, будто человек полз к двери до последнего.

Айша шагнула к столу и осторожно открыла папку. Внутри лежали пожелтевшие схемы, формулы и общая тетрадь в клетку.

— Почерк дрожит, — сказала она. — Последние записи — карандашом.

Она начала читать вслух короткими фразами:

— «Образец 417-Б показал аномальную митотическую активность...» — «Культура растёт без питательной среды...» — «Поглощает металл...» — «Охрана жалуется на головные боли...» — «Газоанализаторы показывают чистый воздух...» — «Смирнов остался внутри добровольно...»

Илья слушал и чувствовал, как его инженерное мышление буксует. Формулы, давление, температура — всё это ещё можно было считать. Но как считать жизнь, которой не нужна еда? Как считать газ, которого не видят датчики?

Айша пролистнула дальше.

— Здесь схема вентиляции. И маршруты фильтрации. Если это пошло по шахтам, оно уже...

Она осеклась и посмотрела на его руки.

Бинты меняли цвет. Под тонкой плёнкой геля проступали чёрные точки.

Илья тоже опустил взгляд. Точки были мелкие, как копоть, и слишком ровные, чтобы быть случайностью.

— Последняя запись? — спросил он.

Айша сглотнула.

— «Мы думали, что замораживаем прошлое, чтобы спасти будущее. Оказалось, мы заморозили кладбище».

Тишина стала густой.

Илья медленно выпрямился.

— Наружу, — сказал он. — Сейчас.

— А станция?

— Станция уже проиграла. Если мы сдохнем здесь, никто даже не узнает почему.

Он сунул папку обратно, но распечатку маршрутов оставил у себя. Ещё раз посмотрел на разгромленный отсек, на руку на столе, на чёрную пыльцу, медленно оседающую на страницы тетради.

Потом развернулся к выходу.

— Есть аварийный шлюз на поверхность? — спросила Айша.

— Есть, — ответил он. — И если его не перекосило, это наш единственный шанс.

Они вышли в жёлтый туман коридора, оставив за спиной лабораторию, где прошлое слишком долго ждало, чтобы снова стать настоящим.

Глава 3

Белая мгла

Они вышли на поверхность через аварийный шлюз насосной станции 4.

Тяжёлый люк лязгнул за спиной, отрезая тепло, красный свет и влажный подземный гул. Снаружи был другой мир — открытый, белый и мёртвый.

Воздух ударил в лицо так, будто кто-то с размаху приложил к коже металлический лист из морозильной камеры. Минус сорок. Дыхание вырывалось изо рта густыми белыми клубами и сразу оседало инеем на ресницах.

Здесь не было ни нормального снега, ни твёрдой земли. Под стенами дамбы тянулась вязкая каша из чёрного торфа, ледяной солёной воды и промёрзшей грязи. Анадырское течение приносило под бетонный вал холод Тихого океана. Вода у самого края местами ещё парила: остаточное тепло насосных контуров спорило с морозом, проигрывая на глазах.

Илья остановился, достал планшет. Треснувший экран светился тускло, как больной зуб.

— До главного узла Омега сорок километров, — сказал он. — По тундре не дойдём. Замёрзнем раньше, чем увидим рельсы.

Айша подняла воротник комбинезона до самых глаз. На ремне её дробовика уже схватывалась тонкая корка изморози. Чёрная пыльца на ткани и пластике посерела от холода, но не исчезла.

— Ближе ничего?

Илья смотрел на карту ещё несколько секунд.

— Есть резервная сервисная ветка. Старый разъезд техобслуживания. Если его не размыло после последнего смыва, литерный должен проходить там перед Омегой.

Айша кивнула один раз. Ни возражений, ни вопросов. В этом мире план не обязан был быть хорошим. Ему достаточно было быть единственным.

В трёхстах метрах от шлюза, наполовину вмёрзший в чёрный лёд залива, лежал остов старой дизель-электрической подлодки. Проект «Палтус». Ржавая туша, когда-то выброшенная на мель штормом или войной, теперь торчала из льда как огромная мёртвая рыба. Её давно превратили в ориентир, склад и местный склеп.

Им не нужна была лодка как корабль. Им нужен был стальной термос с двигателем.

Илья повёл Айшу вдоль борта, оскальзываясь на мокром металле. Вода под ногами дышала паром. Где-то в глубине дамбы ещё работали контуры, и это последнее искусственное тепло умирало на глазах.

— Если батареи сдохли, мы просто замёрзнем внутри, — сказала Айша, заглядывая в тёмный зев рубочного люка.

— Если не сдохли, нас может отравить хлором, — ответил Илья. — Выбор роскошный.

Люк поддался только с третьего удара кувалдой. Изнутри пахло затхлым воздухом, озоном старых аккумуляторов и смертью.

Они шли через отсеки, светя химическими фонарями. Подлодочная теснота давила сильнее, чем коридоры станции. Здесь всё было ближе к телу: низкие переборки, влажный металл, ледяной конденсат на трубах.

У переборок сидели мумифицированные тела в чёрных шинелях. Замёрзли во сне, когда умерло отопление. Их глаза остались открытыми.

В центральном посту Илья рухнул в кресло командира. Пластик под ним треснул от старости. Он ударил по панели тыльной стороной обожжённой руки. Боль прошла кисть до локтя. Красная кнопка запуска ответила только жалким писком умирающей электроники.

— Логика, Скальпель, — прохрипел он, прижимая руку к груди. — Аккумуляторы пустые. Дизелю нужен тёплый воздух на старте. А снаружи такой холод, что клапаны схватит льдом.

— Или топливо не возьмётся, — закончила Айша.

Она уже смотрела не на пульт, а вниз, на люк технического лаза.

— Если лодка сидит носом к берегу, машинное не должно быть затоплено до потолка. Там могут остаться ручные подогреватели магистрали.

И, не дожидаясь ответа, исчезла в узкой шахте.

Илья остался один среди мёртвых.

Он посмотрел на свои руки. Под бинтами проступили чёрные точки. На побледневшей коже они были видны отчётливее, чем внизу. Холод не лечил. Только замедлял. Консервировал.

Снизу донёсся глухой удар. Потом скрежет. Потом ещё один.

Айша работала вслепую, сбивая лёд с топливных труб и добираясь до подогревателей. Прошёл почти час. Илья успел задремать, привалившись виском к холодному стеклу перископного кожуха.

Разбудил его звук, от которого дрогнул весь корпус.

Р-р-ра-тах... Тах... Тах-тах...

Дизель чихнул, выплюнул облако чёрной копоты и завёлся.

Ровно. Тяжело. Как сердце великана.

Когда Айша выбралась из лаза, лицо у неё было чёрным от сажи, а на пальцах сквозь рванные перчатки проступала кровь.

— Заливную горловину прихватило льдом, — сказала она, переводя дыхание. — Топлива часа на два. Не больше.

— Нам хватит, — ответил Илья. — До ветки дотянем. Дальше пешком.

Подлюдка не плыла — ползла по мелководью, как хромая стальная тварь. Лдины царапали борт. Дизель гудел так, будто вот-вот выплюнет поршни в рубку. За бортом в белой мгле всё слилось в один цвет: лёд, туман, мёрзлая вода, небо.

Через полтора часа проступили столбы старой ЛЭП.

Ещё через несколько минут — ржавые нитки рельсов на насыпи.

Илья заглушил двигатель. Наступившая тишина ударила сильнее шума.

Разъезд Омега-12 состоял из трёх занесённых снегом вагончиков, мёртвого семафора и короткой сервисной платформы, вмёрзшей в насыпь. На боковой ветке, окутанный паром, стоял литерный состав Корпуса — длинный, бронированный, грязно-серый. Не главный эшелон узла, а технический караван, который должен был влиться в основную линию меньше чем через час.

Охраны почти не было. Туман душил обзор с вышек, а хвостовой техвагон считался опломбированным ещё на предыдущей станции. У платформы мёрзли два бойца в белых плащах, больше занятые буржуйкой в караулке, чем периметром.

— Повезло, — тихо сказала Айша.

— Нет, — ответил Илья. — Просто мир занят чем-то хуже нас.

Он достал из внутреннего кармана универсальную карту техобслуживания Ковалёва. Пластик был тёплым от тела. Как чужая ладонь.

Замок на хвостовом вагоне щёлкнул сухо и стыдливо.

Они проскользнули внутрь и закрыли за собой тяжёлую дверь.

Их сразу обняло густое химическое тепло грузового отсека, забитого контейнерами с азотными удобрениями. В воздухе стоял сладковатый запах аммиака.

Илья сполз по стене на пол. Достал фляжку Ковалёва. Руки больше не тряслись — адреналин выгорел, оставив только звон в висках и пустоту.

— Мы ещё не дома, — сказал он в темноту. — Но до Омеги доедем живыми. Если дышать через рукав.

Айша ничего не ответила. Просто села рядом и прислонилась плечом к его плечу.

Через несколько минут состав дёрнулся и тронулся, вытягиваясь в главную линию.

Вместе с ним в белую мглу ушли двое заражённых людей, фляжка мертвеца и тайна, которая не должна была покинуть бетонное чрево станции.

Глава 4

Госпитальный вагон

Утром поезд шёл на пределе.

Гул бронированного литерного состава проходил сквозь металл, лавки, кости. Вагон мотало на стыках так, будто рельсы под ним не выдерживали собственной памяти. С потолка время от времени сыпалась мелкая известковая труха.

Илья сидел на откидной лавке в штабном отсеке, привалившись плечом к ледяному металлу стены. За ночь эшелон втянулся в главную магистраль, подобрал госпитальный вагон с гражданскими и теперь мчал к Омеге со скоростью, на которой старые линии уже не терпят ошибок.

За бронестеклом проплывала Сибирь. Но это была не та Сибирь, которую когда-то печатали на открытках.

Справа тянулась полоса рыжего мёртвого леса: лиственницы стояли по колено в чёрной жиже, и их иглы тускло светились болотным фосфором. Слева расплзалось Великое Болото — тысячи километров гниющей тундры, где под торфяной коркой медленно умирала мерзлота. Небо висело низко, цвета мокрого свинца.

— Сорок минут до главного узла, — сказала Айша.

Она сидела напротив, зажав между колен медицинский ранец. Лоб у неё блестел от пота: госпитальный вагон топили так яростно, что воздух стал влажным, тяжёлым и тёплым до отвращения. Из-за брезентовой шторки тянуло немывтыми телами, дешёвым антисептиком, прелой одеждой и йодоформом.

Там, за этой шторкой, дышали сто пятьдесят человек.

Матери, дети, старики, шахтёры, вывезенные с затопленных промыслов.

— Как они? — спросил Илья, не открывая глаз.

— Плохо, — ответила Айша. — У ребёнка в третьем секторе отёк гортани. Реакция на споры. Я вколола дексаметазон, но до ночи его не хватит. Если не доберёмся до нормального медблока, он задохнётся.

Илья открыл глаза и посмотрел на свои руки.

Под свежими бинтами проступали тёмные пятна. Ожоги болели тупо, упрямо, глубоко. Но хуже было не это. Кожа вокруг уже синела, и чернота под повязкой жила своей медленной, сырой логикой.

Строка из дневника всплыла сама собой:

Мы думали, что замораживаем прошлое, чтобы спасти будущее. Оказалось, мы разморозили кладбище.

Дверь в отсек со скрипом отъехала в сторону.

На пороге стоял лейтенант Харпер.

Форма сидела на нём слишком чисто, слишком правильно. Словно он вышел не из дребезжащего коридора поезда, а из учебного плаката. От него пахло дорогим фильтровальным картриджом, холодным пластиком и чем-то сладким, почти парфюмерным.

— Старший лейтенант, — сказал он ровным, дикторским голосом. — Главный узел запрашивает уточнение по коду «Омега». Вы передали тревогу, а затем аннулировали её. На линии нервничают. Потери по газу идут поминутно.

Илья медленно поднялся. Лавка под ним взвизгнула.

В тесном отсеке сразу стало меньше воздуха.

— Передай на линию, — сказал он тихо, — что если сюда пришлют огнёмётные команды, я вскрою топливные цистерны локомотива своими руками. Мы сгорим вместе с вашими отчётами. И вместе с тем газом, который вас так беспокоит.

Харпер моргнул. Совсем чуть-чуть. Но трещина в его гладкости была настоящей.

— Это угроза союзному командованию?

— Это инженерный прогноз, — ответил Илья. — Очень точный.

За шторкой сухо закашлялся ребёнок. С присвистом, надсадно. Харпер перевёл взгляд на брезент, но всего на секунду.

— Я передам, — сказал он.

И вышел, аккуратно закрыв за собой дверь.

Несколько секунд было слышно только дребезжание стекла и тяжёлый стук колёс.

— Ты только что подписал нам приговор, — тихо сказала Айша.

Илья снова сел. Достал из кармана плоскую фляжку Ковалёва, отвинтил крышку. По отсеку сразу поплыл запах спирта и жжёного сахара.

— Зато эти сто пятьдесят доживут до утра, — сказал он и сделал короткий глоток.

Поезд качнуло на стрелке. Айшу бросило вперёд. Она упёрлась ладонью ему в грудь, чтобы не упасть, и вдруг замерла.

На ткани его комбинезона, над внутренним карманом, где лежала распечатка из серверной, осталось несколько крошечных чёрных точек.

Айша медленно отвела руку и уставилась на прилипшие к перчатке споры.

— Когда? — спросила она почти шёпотом.

— Ещё в серверной, — ответил Илья. — Когда вытащили дневник.

Айша не моргала.

— То есть мы везём не архив.

— Мы везём шанс, — сказал Илья.

— Нет. Мы везём очаг.

Он не стал спорить.

За окном туман начал густеть. Сначала лёг на стекло редкой молочной плёнкой, потом смял дальний лес, потом сожрал всё. Прожекторы локомотива включились на полную мощность и стали бить в белую стену, не пробивая её дальше нескольких метров.

Красные лампы тревоги под потолком мигнули раз, другой.

Воздух в отсеке будто сжался.

Потом поезд ударило тормозами.

Резкий визг рельс полоснул по ушам. С полок посыпались аптечки и планшеты. Фляжка вылетела у Ильи из руки и покатила по полу, оставляя тёмный мокрый след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.